

Предсказание

Калхант, жрец из Микен, прорицатель, жил в XIII веке до н. э., участвовал в походе греков под Трою. По его совету был выстроен деревянный конь и захвачена Троя. Ему предсказали дату смерти, но не сказали, от чего он умрет.

Калхант мрачнел. День смерти наступил,
И миг свиданья с тьмою приближался.
Был этот мир ему, как прежде, мил,
Но час пробил. Калхант с собой прощался.

И с каждой секундою вся жизнь
Привычную теряла оболочку,
И блекла, не успев родиться, мысль
И постепенно превращалась в точку.

И вскоре эта точка, как слеза,
Что на щеке среди морщин застыла,
Должна растаять. И его глаза
Навек сомкнет неведомая сила.

Калхант в тиши прислушался к себе,
К тому, что происходит в недрах тела,
Где вскоре кровь закончит быстрый бег,
Где жизни гимн душа еще не спела.

Пытаясь уловить, как сердца стук
Отсчитывает время его жизни,
Дивится он тому, что тонок слух,
Что тело до сих пор здоровьем брызжет.

Он заглянуть пытается туда,
Где шаг секунд отсчитывает сердце.
Он хочет знать, какая же беда
Придет к нему, через какую дверцу?

А если правда то, что он умрет,
А если это все-таки случится,

То, значит, прекратится дум полет,
И мысль, едва возникнув, испарится.

В его чертог войдет сегодня смерть.
Быть может, лживо это предсказанье?
И почему он должен умереть?
В чем жизни смысл? В чем тайна мирозданья?

Нет, это ложь! Годами он не стар!
Прекрасна жизнь, и жить, конечно, стоит!
И не погас в груди любви пожар!
И тело, как и в тридцать, молодое!

Неужто жизни свет заменит тьма,
Глаза сомкнутся... уплывет удача?..
Чтоб от безмолвья не сойти с ума,
С самим собой Калхант беседу начал.

"Мне предсказали смерти моей день.
Но точный час ее мне неизвестен.
И ходит эта мысль за мной, как тень,
Из-за нее стал узок мир и тесен.

Да, я здоров, могу сто лет прожить,
Я полон самых радужных стремлений,
Десятки дел способен совершить,
И ни на йоту нет во мне сомнений.

Народ ахейский не забыл, кто я,
Мне почести воздали как герою
За то, что предложил создать коня,
В котором мы смогли проникнуть в Трою.

Нет, мне умом, конечно, не понять,
Как я могу попасть в объятия смерти...
Ну, кто же, кто сумеет помешать
Мне жить и созидать на этом свете?

Но как представить мне тот жуткий час,
Когда умчится жизнь с последним вздохом?
Внутри меня луч жизни не угас,
Живу в довольстве, мне не одиноко.

Я думаю, что предсказанье — ложь!
И все слова, что буду мертв, абсурдны!
Когда чего-то очень сильно ждешь,
То кажутся минутами секунды...

Уверен я, хотя и не атлет,
Что жизнь моя сегодня не в капкане,
Что рано утром встречу я рассвет.
Что буду жив, коль новый день настанет.

Надеюсь, мне удастся ночь прожить, —
И канет в вечность вся нелепость эта.
Не может оборваться жизни нить,
Когда в ней столько силы, мощи, света!

Когда проснусь я завтра на заре,
То позабуду все переживанья.
Застынут, словно мошки в янтаре,
Об этом дне мои воспоминанья.

А если я действительно умру,
То все ли совершил, что сделать должно?
Помог ли другу, дал отпор врагу?
И понял ли, что истинно, что ложно?

Как сложно на вопросы отвечать,
Которые я сам себе поставил.
Под каждым словом — лишь моя печать,
Пророчество — игра, где много правил.

Мне так легко себе задать вопрос,
Но кто оценит правильность ответа?
И если мыслить трезво и всерьез,
То не могу я дать себе совета.

И в этот трудный час, когда один,
Когда нет рядом ни врага, ни друга,
Я сам себе слуга и господин,
Но ни за что не дрогну от испуга.

Как на ладони, пред собой я весь,
И мне не надо врать или таиться.
Я знаю, что такое долг и честь,
Что сделал и к чему могу стремиться.

Что ж, встретиться со смертью я готов,
Но нет желанья с близкими прощаться,
Наверно, не найду я нужных слов...
Хотя судьбе умею покоряться.

И если умереть мне суждено,
То пусть скорее день сей в Лету канет...
Пусть в мир иной откроется окно...
Но лучше без меня наш мир не станет.

Сегодня не хочу я умереть,
Хотя понятно мне, что непременно
В неожиданный день с косою приходит смерть
И косит все, что в этом мире тленно.

А мне известен день, и вот я здесь
Понять пытаюсь сущность предсказанья.
Забыл, что надо пить, что надо есть,
Раздумья причиняют мне страданья.

Никто не сможет погубить меня
В обители моей, как крепость, прочной.
Себя вольготно чувствую в ней я,
И не покину этот мир досрочно.

Здесь крепки стены и глубокий ров.
И в неприступность их я твердо верю,
Ведь не под силу в мой священный кров
Проникнуть человеку или зверю.

Обитель устоит перед врагом
Я знаю, так как сам могу пророчить,
И я молюсь единственно о том,
Чтоб все спокойно было этой ночью.

Над многими моя простерлась власть.
И нынче ни пред кем я не робею.
И если кто-нибудь решит напасть,
То выдержать осаду я сумею.

И радость, и печаль — я все познал.
С коварством я знаком, борясь с врагами.
Я всех, кто неугоден мне, изгнал,
Я окружен лишь верными друзьями.

Вокруг все тихо. Страсти не бурлят.
И жизнь сюрпризы мне не преподносит.
Уверен, что никто смертельный яд
Ни в пищу, ни в вино мне не подбросит.

Никто в мою обитель не войдет
И мой покой сегодня не нарушит,
Сквозь землю не проникнет, словно крот,
Не подожжет меня и не задушит.

Я здесь один. Закрыты двери все.
Так значит, не убьют меня неожиданно.
И будет завтра жизнь во всей красе
Блестать, как ныне, ярко, многогранно.

Мне предсказали тридцать лет назад,
Что в этот день моя решится доля.
С тех пор во мне слова судьбы звучат.
Я думаю, в словах тех Зевса воля.

Когда я их впервые услышал,
То вымолвил тотчас, почти ликуя:
"Я рад, что отдалается финал,
Как хорошо, что раньше не умру я,

Что не погибну в яростном бою,
До срока не скончаюсь от болезни,
Что знаю точно я судьбу свою,
Что мне теперь советы бесполезны".

Но день пришел. И черных мыслей рать
О предсказанье мне напоминает.
И чем усердней их пытаюсь гнать,
Тем яростней они меня терзают.

И вспомнил я одну из древних притч.
Юнцу сказали: "Сгинут все препоны,
Любых высот сумеешь ты достичь,
Но лишь одно условие исполни.

Ты подлинное счастье обретешь,
Ты будешь самым умным, самым смелым,
Ты будешь знать, где истина, где ложь,
И для тебя исчезнут все пределы!

Ты всех богаче будешь на земле,
Ты будешь и красивым, и могучим,
Ты будешь жить в добре, а не во зле,
И прослывешь ты в мире самым лучшим!

И для тебя — все розы, вся сирень!
И все на свете в миг доступным станет!
Но есть одно условие: хоть день
Не думай ты о белой обезьяне!"

Но что же происходит с тем юнцом?
Чем заняты все время его мысли?
Из головы изгнать не может он
Той обезьяны образ ненавистный.

Он мысль свою не может превозмочь.
Она его терзает постоянно.
И чем сильнее он гонит образ прочь,
Тем чаще в мысли лезет обезьяна.

Теперь и я похож стал на юнца,
Которого преследуют виденья.
И нет моим мучениям конца,
И нет покоя мне ни на мгновенье.

А сколько дней бессонных, жутких дней
Меня не покидает мысль о смерти?
Ну, что мне делать перед встречей с ней
В сегодняшней ужасной круговерти?

Конечно, Предсказатель пошутил", —
Подвел итог Калхант с улыбкой гордой
И Зевса всей душою восхвалил
Он речью щедрой, громогласной, твердой.

"Наверно, это шутка. Я спасен, —
Калхант сердечно, тихо засмеялся, —
А предсказанье — просто страшный сон".
И смех в груди, как эхо, отдавался.

Смеялось все — и тело, и душа,
И в каждой клетке все от счастья пело.
"О! Жизнь, ты — радость! Как ты хороша!
Смогу я завтра взяться вновь за дело!"

Он чувствовал — продолжен жизни бег!
Нельзя судить о предсказанье строго!
И радостный, веселый звонкий смех
Вдруг перешел в неудержимый хохот.

Калхант был счастлив — смерть он превозмог,
Но в хохоте не мог остановиться.
Подумал: "Предсказатель не жесток!
И жизнь моя на много лет продлится".

Калхант все хохотал и хохотал...
Что предсказанье? Это блажь, потеха!
Смеясь, внезапно на землю упал...
Не знал Калхант, что он умрет от смеха.